

Д.А. Савченко

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СРЕДНЕВЕКОВОГО КИТАЯ

Аннотация. В работе исследуются правовые средства защиты безопасности государства, которые были предусмотрены в законодательстве средневекового Китая. Анализируются соответствующие нормы кодексов династии Тан (653 г.) и Мин (1397 г.). Особое внимание уделено предписаниям об ответственности за мятеж и измену. Отмечено, что уголовное законодательство средневекового Китая содержало развитую систему правил, обеспечивающих защиту безопасности государства. Она была основана на взаимодействии моральных норм и правовых предписания. Среди наиболее опасных, «непрощаемых» преступлений выделялись три группы деяний, суть которых заключалась в «неисполнении долга подданного»: умысел переворота (моу фань), умысел Великого непокорства (моу да ни), умысел измены (моу пань).

Ключевые слова: история права, зарубежное законодательство, средневековый Китай, наказания, «непрощаемые» преступления, мятеж, измена, «великое непокорство», коллективная ответственность, сакральные основы норм.

Средневековый Китай был страной с развитой правовой системой и полуторатысячелетней письменной юридической традицией. Ведь еще задолго до нашей эры, в так называемый период «Весны-осени» (722–481 гг. до н.э.) китайские законы уже записывались на бронзовых треножных сосудах. С X в. в Китае развивалось книгопечатание.

Развитие китайского права происходило в первую очередь по линии разработки права уголовного¹.

Основы китайского уголовного права в средние века получили наиболее полное выражение и закрепление в кодексе династии Тан (*Тан люй шу и*), принятом в 653 г. «Тан люй шу и» сыграл ключевую роль в процессе нормотворчества в старом Китае². В эпоху династии Сун (960–1279 гг.) важнейшим источником китайского права был кодекс «Сун сим тум» («Собрание уголовных законов династии Сун»), созданный в 963 г. Исследователи отмечают, что он почти абсолютно копировал кодекс династии Тан 653 г.³ В конце XIV в. был принят кодекс династии Мин (*Да Мин люй*), продолживший правовые традиции средневекового Китая. В 1397 г. была составлена его окончательная версия, которую источники именуют «Да Мин люй гао» (Законы Великой династии Мин с до-

бавлениями из Великих рескриптов). Китайские историки права оценивали его как высшую ступень в развитии китайского законодательства дореспубликанского периода⁴. После падения Византийской империи именно Китай был государством с, пожалуй, самой развитой в мире системой законодательства⁵.

По китайским представлениям истоки преступлений крылись в «поступках людей, идущих наперекор благой силе «дэ» императора». Они уподоблялись «нарушению воли родителей со стороны детей. Выступление против государя «опрокидывало установленный Небом порядок» и соответственно было направлено против мыслимой структуры мироздания⁶.

Применение наказания в древнем Китае приравнивалось к карательному походу против врага⁷. Одновременно наказание рассматривалось как ответное

⁴ Законы великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (*Да Мин люй цзи цзе фу ли*). Пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н.П. Свистуновой. Ч. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. С. 35.

⁵ См напр.: Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии / под ред. В.И. Лафитского. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2013. С. 145-149.

⁶ Кычанов Е.И. Указ. соч. С. 37.

⁷ Китайская традиция исходила из принципа: «бин син ти» – военный поход и уголовное наказание имеют «одно тело». В древнем Китае чиновники-юристы именовались воинскими званиями. Там же. С. 240.

¹ История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов. Ч. 1 / под ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. М., 2004. С. 569.

² Ахметшин Н.Х. История уголовного права КНР. М.: МЗ-Пресс, 2005. С. 7.

³ См.: Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М.: ГРВЛ, 1986. С. 6–9.

действие (*бао*) за совершенное преступление. Разнообразные виды казней постепенно сложились в «пять видов наказаний» (*у син*):

Наказания тонкими палками — пять.

Наказания толстыми палками — пять.

Наказание каторжными работами — пять.

Наказание ссылки — три.

Наказание смертью — два⁸. Смертная казнь назначалась только после соответствующей санкции императора.

Двумя видами смертной казни были удушение (*цзяо*), при котором тело казнимого оставалось в целостности, и обезглавливание (*чжань*)⁹. С позиций конфуцианства нарушение целостности тела трактовалось как непочтение к родителям, а по народным верованиям обезглавливание тела означало и обезглавливание души, которая была обречена странствовать обезглавленной в потустороннем мире.

Во времена династии Сун (960–1279 гг.) перед отсечением головы нередко применялось «резание на куски» (*лин чи*)¹⁰ осужденного, привязанного к шесту с перекладиной. При династии Юань (1280–1368 гг.) разрезание на куски (в форме четвертования и в иных формах) было внесено в число стандартных наказаний¹¹.

Казнили преступников, как правило, осенью и зимой (время Инь — субстанции наказаний) на рыночной площади. Допускался откуп от смертной казни (по законам династии Мин — 42 гуаня медной монетой), как и от иных видов наказаний¹².

По общему правилу то же самое наказание, что и преступник, получал попуститель — тот, кто «видел и знал, что человек нарушает закон, но не восстал против этого и не донес» (Тан. 7.26).

Отраженное в уголовном законодательстве правосознание китайцев представляло собой своеобразный синтез идей конфуцианства и легизма. Они верили в особую эффективность взаимодействующих друг с другом моральных норм (*ли*) и жестких правовых предписания (*фа*)¹³.

Наиболее опасными, подрывающими основополагающие устои общества и морали признавались так называемые «десять зол» (*ши э*). Они не подлежали обычной амнистии (их называли «непрощаемыми») и в кодексах рассматривались первыми. Лица, признанные виновными в совершении этих преступлений, не могли откупиться от наказания¹⁴.

Перечень наиболее тяжких преступлений, оформленный в виде десяти отдельных статей, впервые встречается в кодексе династии Северная Ци (550–577 гг.), хотя некоторые соответствующие понятия имелись уже в недошедших до наших дней ханьских законах (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.). Перечень был заимствован составителями суйского кодекса (581 г.), которые дали ему общее официальное наименование «ши э». Это нововведение было воспринято в кодексах последующих династий Тан (653 г.), Сун (963 г.)¹⁵ и Мин (1397 г.)¹⁶.

Среди «десяти зол» первыми выделялись три группы наиболее опасных злодеяний, суть которых заключалась в «неисполнении долга подданного» (*бу чэнь*)¹⁷. К ним относились:

1. Умысел переворота (*моу фань*) — который трактовался как умысел «повредить Алтарь божеств земли и злаков» (*шэ цзи*).
2. Умысел Великого непокорства (*моу да ни*) — что в понимании авторов кодексов означало умысел «разрушить Храм предков (*Цзун мяо*), гробницы предков (*шаньлин*) и дворец (*гунцюэ*) императора».
3. Умысел измены (*моу пань*) — который понимался, как умысел изменить своему государству и тайно предаться другому государству¹⁸.

В перечисленных случаях наказуемым признавался умысел (*моу*), проявившийся в выражении желания, словаре¹⁹ и разработке плана действий.

Первые два вида преступлений с точки зрения современного правосознания довольно близки между собой. Как отмечал Е.И. Кычанов, они «по понятиям евро-

⁸ Там же. С. 56–57.

⁹ Начало этой практике было положено суйским кодексом. До этого во всех крупных государствах на территории Китая применялось большое количество официально узаконенных разновидностей смертной казни, нередко жестоких и изощренных. — Законы великой династии Мин. Ч. 1. С. 86.

¹⁰ Существует две версии относительно времени появления этого вида наказания: по одной, оно было введено в период Пяти династий (907–960 гг.), по другой — в эпоху Ляо (907–1125 гг.). Там же. С. 88.

¹¹ Там же. С. 86.

¹² Там же. С. 305.

¹³ История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов. Ч. 1 / под ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. М.: Норма, 2004. С. 570.

¹⁴ Законы великой династии Мин. Ч. 1. С. 99.

¹⁵ См.: Кычанов Е.И. Указ. соч. С. 6–9.

¹⁶ Законы великой династии Мин. Ч. 1. С. 420.

¹⁷ По мнению Поля Чэнь «в целом китайские концепции и категории мятежа, ниспровержения и дезертирства были схожи с западными законами об измене, хотя термин «измена» (*trizn*) не может служить их точным переводом». См.: Кычанов Е.И. Указ. соч. С. 47. Со ссылкой на: Chen P.H. Disloyalty to the state in late Imperial China // State and Law in East Asia. Wiesbaden, 1981. P. 166.

¹⁸ Законы великой династии Мин. Ч. 1. С. 309.

¹⁹ В китайском праве заговор образовывали два человека и более. Если обстоятельства заговора и его цели были очевидны, то и «один человек мог считаться за двоих» (Тан. 6.256-26а). См.: Там же. С. 53.

пейского права были равнозначны мятежу, бунту)²⁰. Не случайно в своде законов, опубликованном в 1908 г., им была посвящена общая статья 277 «Умысел переворота и Великого непокорства»²¹. Да и наказуемость их была практически одинаковой — оба преступления влекли за собой обезглавливание. После введения в систему наказаний смертной казни путем разрезания на куски оно назначалось за сговор в целях переворота и Великого непокорства, причем без дифференциации наказания для главарей и рядовых соучастников. Заговор с целью измены наказывался обезглавливанием. Особо подчеркивалось, что в этих случаях предание смерти должно было исполняться немедленно, не дожидаясь «подходящего времени», то есть осени²².

Разграничение первых двух видов «десяти зол» между собой вызывает определенные трудности как юридического, так и языкового характера. Они в первую очередь связаны с неоднозначностью перевода соответствующих китайских иероглифов на европейские языки.

Так, по данным Н.П. Свистуновой, термин «моу фань» переводился исследователями как *rebellion* (англ. — восстание, сопротивление, возмущение, неподчинение) или *conspiration contre l'Etat* (фр. — заговор против государства, состояния, положения). Для термина «моу да ни» предлагались такие варианты перевода: *disloyalty* (англ. — нелояльность, неверность), *subversion* (англ. — свержение, подрывная деятельность), *great sedition* (англ. — великая крамола, призыв к мятежу, антиправительственная агитация), *grande insubordination* (фр. — великое неповиновение, неподчинение)²³.

Н.Я. Бичурин давал следующую интерпретацию преступных деяний рассматриваемых групп: «моу фань» — злоумышление против общественного спокойствия, «моу да ни» — злоумышление против царствующего дома²⁴.

Развивая эту идею, Н.П. Свистунова так определила объекты преступлений «моу фань» и «моу да ни»: государство, династия (которые по китайским представлениям были равнозначными понятиями), в первом случае, и лично царствующий император — во втором. «Поскольку Алтарь духов Земли и Злаков... олицетворял собой династию, государство, то намерение разрушить его — это

метафора антигосударственного, антидинастического мятежа. ...совокупность действий, квалифицировавшихся как *моу да ни*, представляется... аллегорией бунта против правящего государя, ибо ликвидация храма его предков означала лишение его их заступничества, уничтожение гробниц — надругательство над чтимыми им святынями, разрушение дворца — покушение на его особу, ибо дворец несомненно ассоциировался с персоной монарха». Официальный комментарий к цинскому своду законов, авторы которого максимально заимствовали правовые идеи кодекса династии Мин, прямо говорит о том, что преступления «моу фань» были направлены против государства, а «моу да ни» — против правителя, государя²⁵.

Важные соображения о принципах разграничения анализируемых видов злодеяний высказал Е.И. Кычанов. Он полагал, что они различались «по своей направленности». Преступления «моу фань» были в трактовке кодекса направлены против одного из сакральных принципов императорской власти. «Кодекс отмечал, что появление... умысла против императора должно рассматриваться как причинение вреда духам (вэй шэнь) земледелия, покровителем которых считался император. Мятеж «моу да ни» включал преступления, направленные против святынь и символов власти данной правящей династии»²⁶.

Тем самым, по нашему мнению, была верно подмечена религиозная основа разграничения двух наиболее опасных видов преступлений. По всей вероятности первоначально в соответствующих правовых нормах имелись ввиду посягательства на различные религиозные ценности и причинение вреда различным духам. В первом случае речь шла о ценностях общеплеменных, а впоследствии — общегосударственных (одушевленные Земля и Злаки), во втором — о ценностях родовых, впоследствии — династических.

Как представляется, исторически соответствующие нормы имели сакральное происхождение. Лишь в последующем, в процессе формирования и укрепления государства они были приспособлены для защиты основ политического строя, а также личности и семьи императора.

Так, алтарь духам Земли (*шэ*) и Злаков (*цзи*) стал рассматриваться в качестве символа государства, государственной власти. Одним из первых шагов каждой новой династии было основание жертвенника божествам Шэ и Цзи. Поэтому умысел против императора стал толковаться как причинение вреда духам земледелия («алтарям почв и злаков») и деяние, направленного «против постоянного порядка, установленного Небом»²⁷.

²⁰ Кычанов Е.И. Преступления против императора по традиционному китайскому праву // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1983. С. 136–137.

²¹ Законы великой династии Мин. Ч. 1. С. 421.

²² Там же. С. 215.

²³ Там же. С. 401.

²⁴ Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840. С. 301.

²⁵ См.: Законы великой династии Мин. Ч. 1. С. 402–403.

²⁶ Кычанов Е.И. Преступления против императора. С. 136–137.

²⁷ «...Ван занимает наиболее почетное положение и получает драгоценный мандат на правление от Верховного Неба. Вместе с двумя основами порядка, Небом и Землей, стал

Сохранение в кодексах прежних формулировок позволяло посредством их расширительного толкования, с помощью аллегорий и иносказания гибко реагировать на текущие изменения политического строя, обеспечивая при этом безусловную и жесткую защиту безопасности государства.

Категория *моу фань* (умысел переворота) охватывала посягательства на естественный, божественно установленный всеобщий порядок. Эта группа преступлений включала умысел мятежа против императора или родителей. Закон устанавливал: «Следует казнить того, кто затаил в душе своей стремление идти наперекор и причинить вред государю или отцу» (Тан. 2.236).

Категория *моу да ни* (умысел Великого непокорства) включала посягательства на порядок, установленный законными властями. Суть преступлений этого рода заключалась в неподчинении власти, в бунте против существующих порядков и, тем самым, против благой силы «дэ» императора, а значит в действиях наперекор «дао», как естественному Пути, которому следует все сущее.

Преступления *моу пань* (умысел измены) несколько отличались от предыдущих двух видов злодеяний. К этой группе преступлений относились измена императору правящей династии (*бэй бэнь чао*), измена государству (*бэй го*), переход на сторону иностранного государства (*моу фань го*), желание покинуть осажденный врагом город, перейти на сторону мятежников, бежать из своей страны. Сюда же относился побег в горы или на болота, оказание сопротивления правительственным войскам и отказ подчиниться приказу вернуться к своим занятиям. Закон об измене по аналогии применялся к тем, кто вступал в сговор с морскими пиратами и становился их проводниками²⁸.

Преступление *моу пань* заключалось в нарушении долга верности (*чжун*) как важнейшей моральной обязанности подданного. Верность считалась главным качеством, которое должно быть присуще образцовому подданному. Категория верности была существенной частью официальной идеологии²⁹.

отцом и матерью всех простых людей, которые, будучи его детьми, его подданными, должны заботиться только о том, чтобы быть верными и проявлять сыновнюю почтительность. Когда же они осмелятся таить зло и задумают мятеж, то тем самым они пойдут против постоянного порядка, установленного небом, и нарушат человеческую справедливость» (Сун. 1.66). См.: Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права. С. 39.

²⁸ Законы великой династии Мин. Ч. 1. С. 220, 246.

²⁹ Попова И.Ф. Категория «верность» (чжун) в политической мысли раннетанского Китая. // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной Республики. 27-28 октября 1999 г. СПб., 1999. С. 59.

«Задумавшими измену (*моу пань*) называются выразившие желание отвернуться от государства и предаться фальши. В том случае, когда какие-то люди некогда сговорились, но еще не приступили к осуществлению задуманного, а дело раскрылось, то главарь подлежит давлению, а пособники — ссылке». Тот, кто уже вступил на путь осуществления измены (*шан дао*) подлежал более тяжкому наказанию — обезглавливанию. Лица, которых принудили к измене силой наказанию не подлежали.

Во всех случаях совершения преступлений, относящихся к наиболее тяжким, ответственность распространялась и на семью злоумышленника «как на единое тело». Так, по законам династии Мин обезглавливанием карались деды, отцы, сыновья, внуки, братья виновных в умысле переворота или Великого непокорства и лица, совместно проживающие с преступниками, а также братья отца и сыновья братьев, достигшие 16 лет³⁰.

По словам Поля Чэнь, эта форма коллективного наказания (*юаньцзо*) должна была служить «единственным в своем роде эффективным предостережением для индивидуума в Китае, учитывая его глубокое осознание семейных обязанностей»³¹, а также средством предотвращения возможного в будущем зла от оставшихся в живых. «Юаньцзо» было средством взаимоконтроля — родственники были виновны в том, что не предотвратили преступление.

В отдельных случаях для родственников преступников, «наказанных за умысел мятежа или великое непокорство и осужденных на основании принципа общесемейной ответственности» предусматривался специальный вид ссылки «фань ни юаньцзо лю»³².

Наказания за антигосударственные преступления сопровождалась полной конфискацией, которая включала конфискацию имущества, земли, построек, буцой и рабов осужденного, а также обращение членов его семьи в рабов, принадлежащих казне (императору).

³⁰ Законы великой династии Мин. Ч. 1. С. 216.

³¹ См.: Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права. С. 85.

³² Если осужденный лишь говорил о необходимости мятежа, но не сумел взбунтовать народ или поднять мятеж в войсках и «не смог причинить вреда», то, хотя его самого и обезглавливали, члены его семьи подлежали не давлению и обращению в рабов, а ссылке за 3 тыс. ли. Жены и дети изменников ссылались за 2 тыс. ли. Если изменник увозил с собой за рубеж более 100 человек или при причинении реального ущерба государству его родители, жена и дети ссылались за 3 тыс. ли. См.: Там же. С. 119.

Сурово наказывалась прикосновенность к антигосударственным преступлениям³³. Всякий, узнавший о таком преступлении, был обязан тайно донести об этом в ближайшее административное учреждение. Тот, кто не донесет, подлежал смертной казни. Знавшие о факте умысла переворота или Великого непокорства, намеренно попустительствовавшие этим деянием, скрывавшие преступление или прятавшие виновных наказывались обезглавливанием. Недонесение об измене каралось удушением³⁴.

Представители власти, принявшие донос и в течение полудня не принявшие мер к аресту обвиняемых, подлежали удушению (Тан. 23.116).

По обвинению в мятеже или измене допускался донос раба или буцзя на своего хозяина (Тан. 2.5а-5б). Допускался и анонимный донос (Тан. 24.7а-8б).

Наказание за лжедонос (*фаньцзо* — возврат обвинения и наказания) было равным тому, которое получило лицо, осужденное по ложному доносу. Лжедонос о заговоре против императора карался обезглавливанием зачинщика и удушением пособников. В случае добросовестного заблуждения лжедоносчик получал право на подачу прошения на высочайшее имя (Тан. 23.126).

К категории «десяти зол» в китайском праве относилась и еще одна группа преступлений — «выражение великого непочтения» (*да бу цзинь*)³⁵. К ним относились, в частности, кражи предметов культа и кражи вещей, используемых императором, в том числе печатей императора и императриц.

Сюда же относились ошибки, допущенные при приготовлении лекарств императору, неаккуратность при приготовлении пищи или постройке корабля для императора и т.п. Если вместо ошибочности действий (*у*) выявлялся умысел (*моу*) квалификация преступления изменялась на заговор о мятеже против императора (*моу фань*).

К «великому непочтению» относилось также зловолие в адрес государя, оказание сопротивления послу с императорским указом. Осуждение действий императора с намерением причинить ему моральный ущерб каралось обезглавливанием. Если осуждение императора «не причиняло ущерба» или было совершено непреднамеренно, виновный осуждался на два года каторжных работ (Тан. 10.10б-11а).

³³ См напр.: Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии / под ред. В.И. Лафитского. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2013. С. 150.

³⁴ Законы великой династии Мин. Ч. 1. С. 216, 220.

³⁵ Некоторые исследователи переводили этот термин как *sacrilege* (англ, святотатство). См.: Там же. С. 421-422.

Болтовня о мятеже при отсутствии реального умысла влекла ссылку за 2 тыс. ли.

Закон о «великом непочтении» строго охранял и резиденцию императора. Наказуемой была стрельба из лука в направлении дворца, самовольный проход во внутренние дворы дворцовых помещений, наблюдение «с высокого места» за тем, что происходит в дворцовом комплексе. Незаконная передача людям, работавшим во дворце, книг, писем, каких-либо вещей каралась удушением (Тан. 7.14а-14б)³⁶.

Средневековое китайское право предусматривало относительно самостоятельную систему норм о наказании за преступления воинского характера.

Так, дезертирство и уклонение от явки на воинскую службу в момент начала похода каралось обезглавливанием (Тан. 16.10б-11а).

Командир гарнизона подлежал обезглавливанию за сдачу города врагу, если было установлено, что он не «отдал все силы его обороне и бросил город» или был виновен в плохой подготовке города к обороне (Тан. 16.13а-13б).

Обезглавлялся командир, проявивший «нерешительность перед врагом» и не выполнивший полученного приказа.

Обезглавлялся первый воин, отступивший с поля боя, нарушивший приказ и оставивший обороняемые позиции, сдавшийся в плен врагу (Тан. 16.13б). Командир, отпустивший солдата во время похода или противостояния с врагом, обезглавлялся; отпущенный солдат ссылался за 3 тыс. ли (Тан. 16.16а). За аналогичные нарушения при несении гарнизонной службы наказание было на две степени меньше (Тан. 16.17а).

Таким образом, капитуляция без боя или предательство влекли казнь виновного и общесемейную ответственность. Во время военных действий смертные казни в армии осуществлялись на месте волею командира³⁷.

Удушением карался шпионаж в мирное время, как китайца в пользу врага, так и шпионские действия «лиц из числа четырех варваров, приватно проникших во внутренние пределы государства» (Тан. 16.12а-12б). Тот, кто выдавал военную тайну во время подготовки

³⁶ Кроме отмеченных выше, к категории «десяти зол» относились также «непокорство родственников», «жестокое преступление, противоречащее порядку вещей», «непочтение к родителям», «несогласие между родственниками», «нарушение социальной связи», кровосмесительные половые связи.

³⁷ Еще в 1214 г. несколько китайских генералов перешли со своими войсками на сторону монголов. И в последующем китайские части активно участвовали в монгольских военных походах, что не могло не способствовать и распространению образцов китайских военных законов. См.: Лэмб Г. Чингисхан. Властелин мира. М., 2002. С. 111.

похода, наказывался обезглавливанием, его жена и дети ссылались за 2 тыс. ли.

В заключение отметим, что средневековым китайским законодательством предусматривались и еще некоторые нормы об ответственности за разглашение тайн. В «Тан люй шу и» они были помещены в третьем разделе «Служебные обязанности и порядок их исполнения» (*чжи чжи*) в предписании, озаглавленном «Разглашение больших дел» (Тан. 9.109).

Соответствующее уголовное установление гласило: «Всякий, кто разгласил большое дело, которое полагается хранить в тайне, наказывается удавлением». При этом под большим делом понимался секретный замысел внезапного нападения или поимки лиц, виновных в умысле измены (*моу пань*).

Как уже отмечалось, тот, кто узнал об антигосударственных преступлениях, должен был «тайно донести, чтобы затем можно было внезапно напасть на разбойников». Подобные дела назывались «большими», их полагалось хранить в тайне. Человек, самоуправно разгласивший сведения о таких делах, наказывался удавлением³⁸.

Предусматривалось и наказание за разглашение иных сведений, которые должны были храниться в тайне. «Если дело не большое, но его полагается хранить в тайне, наказание — 1,5 года каторги»³⁹. В Китае считалось нежелательным, чтобы о делах в государстве узнавали за границей. Поэтому «за разглашение посланцам иных государств» наказание увеличивалось на 1 ступень — до 2 лет каторги.

Кроме того, частным лицам в Китае запрещалось иметь книги по военному делу. Имелись ввиду шесть книг стратегии «Лю тао» Тай-гуна, три книги военного планирования «Сань люэ» Хуан Ши-гуна и тому подобные книги. Нарушители этого запрета наказывались двумя годами каторги (Тан. 9.110)⁴⁰.

Особо охранялись сведения о «воинском оружии». Так назывались те виды оружия и боевого снаряжения, владение которыми было запрещено законом. К их числу относились огневые камнеметы, огневые трубы, панцири, боковые щиты, знамена, бунчуки и армейские трубы. Вывоз такого оружия за границу и разглашение в связи с этим секретных сведений наказывалось обе-

зглавливанием. Так же наказывался тайный выход в море с запрещенным воинским оружием.

Примечательно, что к указанному преступлению по аналогии приравнялось изготовление больших морских судов для продажи их «варварам» ради выгоды, а также незаконная торговля серой или селитрой с иностранцами, а равно с бандитами из пограничных районов⁴¹.

Таким образом, уголовное законодательство средневекового Китая содержало развитую систему правил, обеспечивающих защиту безопасности государства. Она была основана на взаимодействии моральных норм и жестких правовых предписания.

Среди наиболее опасных, «непрощаемых» преступлений выделялись три группы деяний, суть которых заключалась в «неисполнении долга подданного». К ним относились умысел переворота (*моу фань*), умысел Великого непокорства (*моу да ни*), умысел измены (*моу пань*). В этих случаях наказуемым признавались обнаружение желания, сговор и разработка плана действий. Ответственность распространялась и на семью преступника. Наказание сопровождалось полной конфискацией имущества осужденного. Закон предусматривал смертную казнь за недонесение об этих преступлениях.

К категории «непрощаемых» злодеяний относилось и «выражение великого непочтения», в том числе злословие в адрес императора, осуждение его действий, нарушение порядка в резиденции императора.

Относительно самостоятельное значение имела достаточно детализированная система норм о преступлениях воинского характера. В частности, смертной казнью карался шпионаж в мирное время и выдача военной тайны во время подготовки похода.

Нормы средневекового китайского права оказали серьезное влияние на развитие правосознания и законодательства соседних народов, в том числе монголов, японцев и корейцев. Схожесть отдельных китайских правил с правовыми обычаями, сложившимися в XIV в. в русских землях (обезглавливание за государственные преступления, выделение преступников, лишенных возможности откупиться от смертной казни, проведение казни осенью и зимой), позволяет предположить возможность их взаимосвязи посредством монгольской правоприменительной практики.

В самом Китае средневековые представления об уголовно-правовой защите безопасности государства сохранили свое значение вплоть до начала XX в.

³⁸ Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 9–16. Пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. С. 41.

³⁹ В разъяснении говорилось, что согласно общеобязательным установлением, если кто-либо, посмотрев вверх, увидел странности ветра, облаков, испарений или цвета, он подает тайную запечатанную докладную записку. Это рассматривается как «не большое дело, которое полагается хранить в тайне». Там же. С. 42.

⁴⁰ Там же. С. 43.

⁴¹ Законы великой династии Мин. Ч. 1. С. 246, 407.

Библиографический список:

1. Ахметшин Н.Х. История уголовного права КНР. — М.: МЗ-Пресс, 2005. — 343 с.
2. Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. — СПб., 1840. — VIII. 442 с.
3. Законы великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н.П. Свистуновой. Ч. 1. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997 — 576 с.
4. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н.П. Свистуновой. Ч. 3. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2012. — 444 с.
5. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов. Ч. 1 / под ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. — М.: Норма, 2004. — 624 с.
6. Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII-XIII вв.). — М.: ГРВЛ, 1986. — 264 с.
7. Кычанов Е.И. Преступления против императора по традиционному китайскому праву // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. — М., 1983. — С. 135–141.
8. Лэмб Г. Чингисхан. Властелин мира. — М.: Центрполиграф, 2002. — 301 с.
9. Попова И.Ф. Категория «верность» (чжун) в политической мысли раннетанского Китая // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной Республики. 27–28 октября 1999 г. — СПб., 1999. — С. 58–61.
10. Савченко Д.А. Ответственность за антигосударственные преступления: традиции Запада и Востока. // Сравнительное правоведение и проблемы современной юриспруденции: Материалы Международной научно-практической конференции. — Екатеринбург, 2006. Ч. 4. — С. 192–196.
11. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии / под ред. В.И. Лафитского. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2013. — 704 с.
12. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 9–16. Пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. — 304 с.
13. Chen P.H. Disloyalty to the State in Late Imperial China // State and Law in East Asia. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1981. 159–183 pp.

References (transliteration):

1. Ahmetshin N.H. Istoriya ugolovnogo prava KNR. — M.: MZ-Press, 2005. — 343 s.
2. Bichurin N.Ya. Kitay, ego zhiteli, nruvy, obychai, prosveschenie. — SPb., 1840. — VIII. 442 s.
3. Zakony velikoy dinastii Min so svodnym kommentariem i prilozheniem postanovleniy (Da Min luyuy czi cze fu li). Per. s kit., issled., primech. i prilozh. N.P. Svistunovoy. Ch.1. — M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1997 — 576 s.
4. Zakony Velikoy dinastii Min so svodnym kommentariem i prilozheniem postanovleniy (Da Min luyuy czi cze fu li). Per. s kit., issled., primech. i prilozh. N.P. Svistunovoy. Ch. 3. — M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. 2012. — 444 s.
5. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: Uchebnik dlya vuzov. Ch. 1 / pod red. O.A. Zhidkova i N.A. Krasheninikovoy. — M.: Norma, 2004. — 624 s.
6. Kychanov E.I. Osnovy srednevekovogo kitayskogo prava (VII-XIII vv.). — M.: GRVL, 1986. — 264 s.
7. Kychanov E.I. Prestupleniya protiv imperatora po tradicionnomu kitayskomu pravu // Chetyrnadcataya nauchnaya konferenciya «Obschestvo i gosudarstvo v Kitae». Tezisy i doklady. Ch. 1. — M., 1983. — S. 135–141.
8. Lemb G. Chingishan. Vlastelin mira. — M.: Centrpoligraf, 2002. — 301 s.
9. Popova I.F. Kategoriya «vernost'» (chzhun) v politicheskoy mysli rannetanskogo Kitaya // Materialy nauchnoy konferencii, posvyaschennoy 50-letiyu obrazovaniya Kitayskoy Narodnoy Respubliki. 27–28 oktyabrya 1999 g. — SPb., 1999. — S. 58–61.
10. Savchenko D.A. Otvetstvennost' za antigosudarstvennyye prestupleniya: tradicii Zapada i Vostoka // Sravnitel'noe pravovedenie i problemy sovremennoy yurisprudencii: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii. — Ekaterinburg, 2006. Ch. 4. — S. 192–196.
11. Sravnitel'noye pravovedeniye: natsional'nyye pravovyye sistemy. T. 3. Pravovyye sistemy Azii / pod red. V.I. Lafitskogo. — M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF; Yuridicheskaya firma «Kontrakt», 2013. — 704 s.
12. Ugolovnye ustanovleniya Tan s raz'yasneniyami (Tan luyuy shu i). Czyuani 9–16. Per. s kit. i komment. V.M. Rybakova. — SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2001. — 304 s.